

PISTIS SOPHIA

Гностическое произведение, приписываемое Валентину, из Лондонского рукописного коптского кодекса. Запись и перевод на латынь: М.Г. Шварце (M.G. Schwartz). Издал Петерманн (J.H. Petermann). Berolini: Ferd. Duemmler Libraria, 1851, pp. V—VII.

[Общее вступление]

Воспроизводятся: «Testamenti Sahidica», затем — «Canones Apostolici», далее — трактат о таинствах греческих букв (в котором автор, называемый Атасий Пресвитер, все дела Творения, Провидения и Искупления из греческих букв выводит и исторгает, приводя аргументы на основании следующего речения: «Аз есмь А и Ω, Начало и Конец») и, наконец, книга «Gnosis Sahidice» из Кодекса Брюса, который хранится в Бодлеанской библиотеке, в сопоставлении со списком Войде, что помогло во многих местах внести исправления.

Книгопродавцы

**Христиану Карлу Иосии Бунзению,
Высочайшему мужу, посвящается.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мауриций Г. Шварце, дружественнейший мне муж, который, благодаря королевской щедрости, в Англии рукописные коптские кодексы, какие только ему удалось изучить, с подобающим тщанием частично переписал, частично исследовал, а вернувшись на родину, уже собирался их представить на суд общественности, вкупе с грамматикой коптского языка, которую он прежде разработал и теперь, после того как воспользовался этими кодексами, дополнил новыми замечаниями и приложениями, внезапно похищенный преждевременной смертью, что крайне прискорбно, не смог довести до конца труды, коим он положил начало. Когда это свершилось, его вдова, которая память любезнейшего супруга благоговейно чтит, позаботилась, чтобы не сокрылось в ларцах то, что он с величайшим старанием отовсюду собрал, и препоручила мне обязанность издать, из того, что он ранее к изданию подготовил, большую часть манускриптов и, в особенности, «Πιστιν Σοφια»¹ — книгу, уже давно желанную ученым мужам. А когда Королевская Академия Наук, находящаяся в Берлине, благосклонно обещала свою поддержку в публикации этих трудов, честнейшие книгопродавцы, владельцы книжной лавки, которая от покойного Дюммлера получила свое имя, господа Харрвиц и Грубе, с величайшей готовностью взялись объявить эту книгу прежде прочих.

Конечно, когда я обещал взять на себя дело по изданию этого труда Мауриция Шварце, столь тщательнейшим образом записанного и переданного латинским языком, я еще не представлял себе всех сложностей, которые встают на пути такого труда. Ибо я знал, что его, наученного опытом, во всем окружали величайшее прилежание и, так сказать, ακριβεια². Поэтому, когда я просматривал книгу, им записанную и переведенную, я при первом взгляде подумал, что мне предстоит произвести только разделение слов, выполняя лишь, как говорится, работу корректора. Но, исследовав дело более внимательно, я заметил, что он сам не столь уж редко колебался, опускал кое-что, предполагающее различные версии, а другое, хотя и не столь многое, передавал так, что я легко догадался, что он собирался, прежде чем выпускать книгу в свет, вновь и вновь это

перечитать и всё окружить новым попечением. Однако я понимал, что если я всё это не сдвину с места, то не сдержу обещание и книгу Шварце не доведу до конца. Конечно же, я с величайшим желанием принял бремя, вдовую на меня возложенное, словно обязанность, предназначенную рукам друга, даже и в жертву их принести готовый, в надежде, что я, с Божией помощью, трудности эти преодолёю, а если делу этому, несомненно, тяжелейшему, окажусь не соответствен, то пусть ученые мужи благожелательно ко мне снизойдут и простят меня. И конечно, мне, как никому другому, надлежит апеллировать к благожелательству читателей. Ибо хотя я с не меньшим, нежели подобает, благоговением истолковывал подлежащие исследованию слова, я, тем не менее, охотно признаю, что во многом все еще испытываю сомнение. Ведь умозаключение о том, какова природа гностических книг, столь сложно и столь сокрыто, что весьма часто мне казалось, будто я, когда всё перечитываю, занимаюсь как бы исследованием; и более того, что я ошибаюсь, признавая автором Валентина, что не кем-либо из его последователей, но каким-то более поздним офитом написана [эта книга]; этот вопрос я с Божией помощью рассмотрю более пространно и обстоятельно в отдельной книге, которую предполагаю издать. Однако я с удовольствием отказался от исправлений, для коих открывалось поле широкое и пространное, чтобы не увеличить слишком сильно объем книги, и добавил в примечаниях только то, что само собой представлялось необходимым. В тексте я изменил и поправил только то, что называют очевидными ошибками писца, и к тому же то, что, как ни прискорбно, мой друг беглым пером менее верно начертал, исправил в дополнительных примечаниях, причем свои наблюдения от примечаний М. Шварце добавлением буквы «Р.» благоговейно отграничил. Таким образом, примечания, при которых отсутствует эта буква, выполнены самим Шварце, причем те из них, что помечены буквами «Rev[ersio]»³, указывают на повторное перечитывание рукописного кодекса.

В разделении на слова, — ибо кодекс был написан слитно, как тогда было в обычае, что Шварце сохранил в своем списке, — я следовал тем правилам, которые друг мой преподал в Praef[atio] Evang[elii] Copt[ici] и которые он сам соблюдал в этом издании, ибо они удивительно хорошо способствуют правильному пониманию текста. Но, поскольку в некоторых местах я испытывал сомнение, пусть простят меня читатели, если иногда они то же самое где-нибудь увидят разделенным иначе. И, наконец, я прошу благожелательных читателей снизойти ко мне в том случае, если многое из отнесенного мною в раздел «Приложения и исправления» (“Addenda et Corrigenda”) они отнесут на счет притупленной остроты зрения. Потребность в извинении этом потому может стать чрезвычайно настоятельной, что Шварце текст и варианты его записал самими что ни на есть маленькими буквами.

[Й. Петерманн]

Примечания переводчика на русский общего вступления и предисловия Е.С. Лазарева

1. Название книги стоит в винительном падеже. В латинском оригинале Предисловия греческие слова набраны без диакритических знаков.
2. Точность, тщательность.
3. Т.е. повтор.